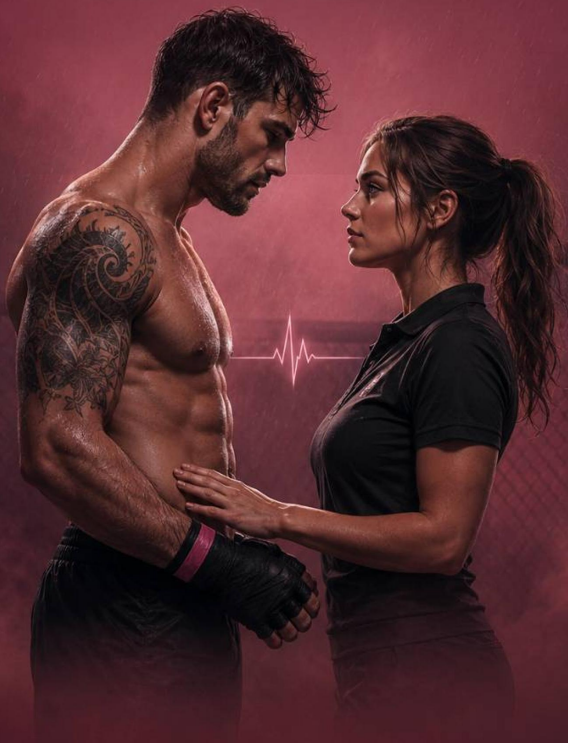

ТЁМНАЯ СПОРТИВНАЯ РОМАНТИКА

ПОКА ДЕРЖИТСЯ ПУЛЬС

ОН УМЕЛ ВЫДЕРЖИВАТЬ УДАРЫ.
ОНА НАУЧИЛА ЕГО ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ.

18+

Максим Ветров

Пока держится пульс.

Тёмная спортивная

романтика о выборе, вине

и праве остановиться

<https://litres.ru/74219069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он умеет выдерживать любой удар, кроме того, который наносит себе. Она умеет слышать тело раньше, чем человек признается, что ему больно. Максим Арсеньев готовится к главному бою карьеры, но его сердце срывается с ритма, а владелец клуба требует поражения в четвёртом раунде. Лера, новый специалист по реабилитации, обнаруживает следы запрещённого препарата и становится частью опасной игры. Их притяжение растёт там, где доверие может стоить жизни. «Пока держится пульс» — напряжённая тёмная спортивная романтика о ММА, закулисных ставках, семейной вине и отношениях, в которых слово «стоп» важнее красивых обещаний.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Контракт	9
Глава 2. Человек, которого нельзя касаться	14
Глава 3. Белые бинты	19
Глава 4. Чужой ритм	24
Глава 5. Цена молчания	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Максим Ветров

Пока держится пульс.

Тёмная спортивная романтика о выборе, вине и праве остановиться

Введение

Пульс Максима Арсеньева исчез на восьмой секунде после удара.

Лера не сразу поняла, что именно увидела. На экране кардиодатчика ещё бежала зелёная линия, перчатки продолжали хлопать по лапам, тренер кричал о левом плече. В зале пахло резиной, старым потом и острым спреем для мышц. Всё выглядело как обычная вечерняя тренировка перед большим боем. Только цифра на планшете упала со ста восьмидесяти двух до нуля.

Она сорвала наушник и шагнула к клетке.

— Стоп.

Никто не услышал. Музыка была из колонок, зрители за стеклом снимали чемпиона на телефоны. Максим двигался

быстро и экономно, будто каждое его движение было заранее вырезано из воздуха. Его называли Мавром за холодный взгляд и привычку заканчивать бои до решения судей. Лера знала другое: последние три минуты его сердце сбивалось с ритма.

Она распахнула дверцу клетки и встала между ним и тренером с лапами.

Максим остановил кулак в нескольких сантиметрах от её лица. Воздух коснулся щеки. Вокруг стало тихо не потому, что выключили музыку. Просто все вдруг увидели, как близко чемпион оказался к женщине в белом медицинском халате.

— Уйдите, — сказал он.

Голос у него был спокойный, почти ленивый. Так обычно говорят люди, которым не приходится повторять.

— Снимите перчатки.

— Вы кто?

— Человек, который сейчас решает, продолжите вы тренировку или поедете в больницу.

В дверях появился владелец клуба Роман Громов. Его дорогая рубашка выглядела здесь неуместно, зато улыбка подходила идеально: гладкая, холодная, без единой лишней эмоции.

— Валерия Соколова, наш новый специалист по восстановлению, — сообщил он. — Первый день, а уже командует. Максим посмотрел на датчик у себя на груди, потом на

планшет в её руках.

— Техника врёт.

— Техника может соврать один раз. Ваше лицо врёт хуже.

У него дёрнулась челюсть. На виске блестел пот, губы побледнели, а зрачки были шире, чем должны после обычной нагрузки. Лера взяла его за запястье. Кожа оказалась горячей. Пульс бился неровно, проваливался, возвращался двумя короткими толчками.

Максим не отдёргнул руку, но посмотрел так, будто прикосновение было нарушением границы.

— Десять минут, — сказала она. — ЭКГ, давление, кровь. Если всё чисто, я сама открою вам клетку.

— А если нет?

— Тогда впервые за вечер вы сделаете не то, что хотите.

Кто-то нервно усмехнулся. Громов перестал улыбаться.

Максим медленно стянул перчатку зубами. На костяшках были старые шрамы, белые полосы, похожие на следы от проволоки. Он прошёл мимо Леры, зацепив её плечом. Не толкнул, но и не уклонился.

В медицинской комнате он сел на кушетку и позволил прикрепить электроды. Экран показал перебои. Не смертельные прямо сейчас, но достаточно опасные, чтобы отметить тренировку. Лера распечатала ленту, отметила ручкой два участка и положила перед Громовым.

— До обследования никаких спаррингов.

— Бой через пять недель, — напомнил тот.

— Сердце об этом не знает.

Максим застегнул спортивную куртку.

— Я буду тренироваться.

— Тогда без моего допуска вы нарушите медицинский протокол клуба.

— Я и есть этот клуб.

Он произнёс это без хвастовства. За стеной снова включили музыку, и толпа за стеклом ожила. Его лицо висело на баннерах, его фамилия была на каждом абонементе, его победами Громов продавал мечту всем, кто платил за право ударить грушу.

Лера сняла электроды.

— Нет. Вы человек, которого здесь используют как вывеску.

Максим замер. Громов сделал шаг вперёд, но чемпион поднял ладонь, останавливая его.

— Осторожнее, доктор.

— Я не доктор. Я спортивный физиотерапевт.

— Тогда тем более осторожнее. Здесь долго не работают те, кто видит лишнее.

Он ушёл, оставив на кушетке смятую бумажную простыню. Лера смотрела ему вслед и чувствовала, как собственное сердце стучит слишком быстро. Не от страха. От ясного, неприятного любопытства.

В лотке под столом лежала пустая ампула без этикетки. Лера подняла её пинцетом. На прозрачном стекле осталась

капля розовой жидкости.

Громов заметил ампулу и прикрыл дверь.

— Добро пожаловать в профессиональный спорт, Валерия.

Тогда она ещё не знала, что через пять недель ей придётся выбирать между карьерой, свободой брата и жизнью человека, который только что почти ударил её.

Она знала лишь одно: сердце Максима Арсеньева остановилось на восемь секунд.

И кто-то в этом зале очень хотел, чтобы в следующий раз оно не запустилось.

Глава 1. Контракт

Утром Лера нашла на своём столе новый договор. В приложении мелким шрифтом стоял пункт о неразглашении медицинской информации, финансов клуба и любых обстоятельств подготовки спортсменов. Штраф был больше стоимости её съёмной квартиры за десять лет.

Она перечитала документ дважды и отнесла его Громову.

— Я уже подписывала соглашение.

— Это расширенная версия. После вчерашнего ты получила доступ к главному активу клуба.

— Максим не актив.

— Для тебя, возможно. Для банка, спонсоров и двух тысяч людей, купивших билеты, именно актив.

Кабинет Громова находился над залом. Стекланный пол позволял видеть клетки и ринги внизу. Люди тренировались под его ногами, а он никогда не повышал голос. Ему не нужно было.

— Что было в ампуле? — спросила Лера.

— Витамины.

— Тогда почему снята этикетка?

— Потому что уборщица выбросила мусор не туда. Не строй расследование из стекляшки.

Громов подвинул к ней ручку. Лера не взяла.

— Мне нужны результаты анализов Максима за послед-

ние полгода и список всех препаратов.

— Доктор Ланской даст всё необходимое.

— Вчера он сказал, что кардиодатчик сломан.

— Сергей Павлович работает со спортсменами двадцать лет.

— А я работаю с цифрами. Они не уважают стаж.

Улыбка Громова стала чуть шире. Он любил сопротивление, пока был уверен, что может его купить.

— Тебе нужны деньги, Валерия. Брат учится, мать после операции, кредит висит. Я навёл справки не для давления, а чтобы понимать людей рядом.

Лера почувствовала холод между лопатками. О долге за операцию знали только дома и в банке.

— Если хотите, чтобы я осталась, не лезьте в мою семью.

— Если хочешь остаться, подпиши.

Она подписала. Не потому, что испугалась штрафа. Вчерашняя кардиограмма лежала у неё в сумке копией, и восемь секунд пустой линии не давали уйти.

Максим ждал в кабинете диагностики. Он сидел у окна в чёрной футболке, закинув руки за голову, и выглядел слишком большим для белой комнаты. На столе стоял нетронутый кофе.

— Громов приказал мне быть послушным, — сказал он.

— Получается?

— Пока вы вошли, да.

Лера включила монитор и попросила снять футболку. На

его груди и рёбрах шрамы пересекались, как старая карта дорог. Один был свежим, под правой ключицей.

— Откуда это?

— Нож.

Она подняла взгляд.

— На тренировке?

— В детстве у нас были интересные тренировки.

Он сказал это ровно, не предлагая сочувствовать. Лера прикрепила датчики. Когда пальцы коснулись кожи, мышцы под ними напряглись.

— Больно?

— Нет.

— Тогда почему вы задержали дыхание?

— Не люблю, когда меня трогают без предупреждения.

Она убрала руки.

— Хорошо. Сейчас прикреплю следующий электрод слева под ребром.

Максим кивнул. Небольшое согласие изменило комнату сильнее, чем любой флирт. Лера продолжила осмотр, каждый раз предупреждая. На нагрузочной дорожке перебои повторились после повышения скорости. Он не жаловался, но дважды сжал поручень.

— Головокружение?

— Нет.

— Это был вопрос с единственным правильным ответом.

— Тогда зачем спрашивать?

Лера остановила дорожку.

— Потому что ваше тело принадлежит вам. Даже если весь клуб делает вид, что иначе.

Максим сошёл на пол. Несколько секунд они стояли слишком близко. От него пахло мятой, тканью перчаток и чем-то металлическим.

— Вы всем так говорите?

— Только тем, кто врёт о головокружении.

Он впервые улыбнулся. Совсем немного, одним углом рта. Лицо стало моложе и опаснее одновременно.

Анализы назначили на тот же день. Ланской попытался взять кровь сам, но Лера настояла на независимой лаборатории. Когда Максим ушёл, доктор закрыл дверь.

— Вы здесь недавно, поэтому дам совет. Не лечите то, что не просили лечить.

— Аритмия не спрашивает разрешения.

— У Арсеньева особая схема подготовки.

— Что в ней?

— Не ваша зона ответственности.

Лера достала телефон, сфотографировала назначение, где стояли только магний и электролиты.

— Теперь моя. Я отвечаю за допуск.

Вечером ей позвонил брат Никита. Голос был бодрым, но на фоне слышалась улица.

— Лер, только не ругайся. Я немного задолжал.

— Сколько?

Он назвал сумму, от которой пальцы сжались вокруг телефона.

— Кому?

Пауза длилась слишком долго.

— Людям Громова.

Лера посмотрела вниз через стеклянную стену коридора. На пустом ринге Максим один бил тяжёлую грушу, хотя тренировка была запрещена. Каждый удар звучал как отсчёт.

За его спиной стоял Громов и смотрел наверх, прямо на неё.

Глава 2. Человек, которого нельзя касаться

Никита приехал к ней после полуночи. Двадцать два года, университетская куртка, разбитая губа и привычная улыбка человека, который надеется пережить разговор шуткой. Лера не дала ему начать.

— Ставки?

— Один раз не повезло.

— Долг в восемьсот тысяч не появляется из одного раза.

Он отвёл глаза. Сначала были ставки на футбол, потом микрозайм, потом предложение от знакомого в клубе: поставить на точный раунд боя Арсеньева. Никита проиграл чужие деньги. Теперь люди Громова требовали вернуть всё за месяц или выполнить поручение.

— Какое?

— Пока не сказали.

Лера хотела закричать, но увидела, как дрожат его руки. Их отец точно так же прятал пальцы под столом, когда проиграл семейные накопления. Через год его не стало. Мать говорила, что сердце. Лера знала: иногда человек умирает за долго до остановки сердца.

Она уложила брата на диван и до утра искала законные способы закрыть долг. Продать было нечего. Банк отказал.

Оставался Громов, а просить его означало отдать ему ещё один рычаг.

В клубе Максим тренировался в дальнем зале, без камер. Лера выключила музыку и встала перед мешком.

— У вас запрет на нагрузку.

— У меня запрет на спарринг.

— Я написала «исключить интенсивные нагрузки».

— Почерк неразборчивый.

Она забрала у него таймер. Максим шагнул ближе.

— Верните.

— После УЗИ сердца.

— Вы всегда отбираете чужие вещи?

— Только если хозяин ведёт себя как ребёнок.

Он протянул руку. Лера ожидала, что вырвет таймер, но Максим остановился, не коснувшись её пальцев.

— Можно?

Вопрос прозвучал почти насмешкой, однако он ждал ответа.

— Нет.

— Тогда оставьте себе.

Он сел у стены и начал разматывать бинты. Белая ткань на правой руке была влажной от крови.

— Покажите.

— Это не сердце.

— Кисть тоже пригодится в бою.

Максим не двигался. Лера опустила на корточки, сохра-

няя расстояние.

— Я не прикоснусь без разрешения.

После короткой паузы он положил ладонь на её колено. Не как ласку, а как тяжёлое доверие. Костяшка была рассечена. Лера очистила рану, чувствуя его взгляд на своей макушке.

— Что Громов от вас хочет? — спросил он.

Она замерла.

— Почему вы решили, что хочет?

— Вчера вы смотрели на него так, будто выбирали, куда ударить.

— Я не боец.

— Все дерутся. Просто не все выходят в клетку.

Лера заклеила порез розовым спортивным тейпом. Другого в сумке не оказалось. На его большой руке цвет выглядел дерзко.

— Не снимайте до вечера.

— Парни будут смеяться.

— Переживёте. Вы же чемпион.

Он рассмотрел тейп и неожиданно спросил:

— Брат снова играет?

Лера резко поднялась.

— Откуда вы знаете?

— Роман любит рассказывать чужие слабости. Своих у него нет, по его версии.

— Вы можете помочь?

Слова вырвались раньше, чем гордость успела их остано-

ВИТЬ.

Максим встал. Теперь его лицо стало закрытым.

— Деньгами?

— Информацией. Кто выбивает долги, что им нужно.

— Им нужен не долг. Им нужен ваш брат рядом с раздевалкой в день боя.

— Зачем?

— Пока не знаю.

— Но догадываетесь.

Он посмотрел на камеры в углу.

— Уходите из клуба. Сегодня.

— А Никита?

— Я решу.

Лера почувствовала раздражение сильнее благодарности.

— Вы не будете ничего решать за меня.

— Тогда Громов решит за вас.

— Есть третий вариант.

— В красивых историях. Здесь их не бывает.

Она подошла почти вплотную.

— Вы вчера спросили разрешение взять таймер. Значит, хотя бы один человек в этом месте понимает слово «нет». Не изображайте Громова.

Максим посмотрел на неё сверху вниз. В его глазах появилось то тёмное внимание, от которого следовало отступить. Лера осталась на месте.

— Вы не знаете, кого просите не изображать.

— Тогда расскажите.

Он медленно поднял перевязанную руку. Розовый тейп оказался у её лица.

— Десять лет назад я работал на него вышибалой. Долги, подпольные бои, запуганные семьи. Ваш брат жив только потому, что поручение ещё не озвучено.

Лера отступила. Максим опустил руку.

— Вот теперь вы знаете достаточно, чтобы уйти.

— А вы почему не ушли?

Вопрос попал точнее, чем она ожидала. Он отвернулся, взяв куртку.

— Потому что некоторые контракты подписывают не чернилами.

На пороге Максим остановился.

— Сегодня ночуйте не дома. Никиту заберите. Адрес никому не говорите.

— Это угроза?

— Предупреждение.

— В чём разница?

— Если бы угрожал я, вы бы не сомневались.

Он ушёл. На полу осталась капля крови, а у Леры в ладони его таймер продолжал отсчитывать секунды.

Глава 3. Белые бинты

Лера отвезла Никиту к матери и соврала, что в квартире меняют трубы. Максим прислал только один адрес: гостиница у вокзала, номер оплачен на чужое имя. Она не поехала. Вместо этого сменила замок, поставила камеру и всю ночь просидела на кухне с тяжёлой сковородой.

Утром на коврике лежал пакет. Внутри были белые бинты и записка: «Розовый цвет слишком заметен».

Она принесла пакет в клуб.

— Это ваша забота или способ проверить, слушаюсь ли я?

Максим разматывал скакалку.

— Вы не слушаетесь.

— Значит, проверка бессмысленна.

— Я и не проверял.

Он не признался, что приезжал к её дому. Камера показала тёмную фигуру у подъезда в три сорок. Человек просто-ял под дождём двадцать минут, затем обошёл двор и уехал. Лера узнала походку.

— Вы следили за мной.

— Охранял.

— Без моего согласия.

— Да.

— Так больше не делайте.

Максим поднял глаза. Для него просьба была нелогичной:

опасность не исчезала от того, что Лере не нравился способ защиты.

— Я могу поставить человека на другой стороне улицы.

— Нет.

— Камера у подъезда не закрывает двор.

— Откуда вы...

Он пожал плечами.

Лера сдержала желание бросить в него пакетом. Вместо этого разложила результаты анализов. В крови обнаружился стимулятор, который мог объяснить перебои, но препарат не значился в назначениях. Концентрация была небольшой, будто вещество вводили регулярно и осторожно.

— Что вы принимаете перед тренировкой?

— То, что даёт Ланской.

— Вы не спрашиваете?

— Он говорит: витамины, восстановление, сон.

— Инъекции?

— Иногда.

— Покажите места.

Максим напрягся.

— На плече.

Лера предупредила, прежде чем коснуться. Под кожей прощупывались маленькие уплотнения. Она объяснила, что до повторных анализов любые препараты запрещены. Он слушал молча, а затем убрал её руку слишком резко.

— Хватит.

— Хорошо.

Она сразу отступила. Максим будто не ожидал, что его слово сработает. Несколько секунд смотрел на собственное плечо.

— Обычно продолжают, — сказал он.

— Кто?

— Врачи. Тренеры. Люди, которые уверены, что знают, что для меня лучше.

— Я тоже уверена.

— Но остановились.

— Потому что вы попросили.

Между ними повисло молчание. За дверью с грохотом падали блины штанги. Здесь слышалось только дыхание.

Максим рассказал, что в шестнадцать лет попал на подпольный ринг. Громов тогда был не владельцем клуба, а организатором боёв в заброшенных складах. За победу платили достаточно, чтобы купить младшему брату лекарства. Потом суммы выросли, правила исчезли, а уйти оказалось дороже, чем остаться.

— Ваш брат? — осторожно спросила Лера.

— Антон умер.

Она не стала задавать следующий вопрос.

— Спасибо, что сказали.

Максим усмехнулся.

— Вы ничего не узнали.

— Узнала, где нужно остановиться.

В тот день они впервые тренировались вместе. Лера заменила бег интервальной работой с дыханием и контролем пульса. Максим раздражался, называл упражнения гимнастикой для пенсионеров, но выполнял точно. Когда ритм сердца снова сбился, она подняла ладонь. Он остановился сразу.

После занятия Максим сел на мат. Лера протянула воду.

— Можно? — спросила она, показывая на датчик у него на груди.

— Можно.

Пальцы коснулись края пластыря. Его дыхание стало глубже, но он не отстранился. Лера сняла датчик и обнаружила под ним тёмный круг старого синяка.

— Вас били электрошокером?

Он натянул футболку.

— Давно.

— Громов?

— Я сказал достаточно.

На выходе Лера заметила, что белые бинты остались в пакете. Максим по-прежнему носил на руке её розовый тейп, хотя мог снять его ещё вчера.

Вечером в дверь её квартиры постучали. На пороге никого не было. Только фотография Никиты, сделанная утром у дома матери, и короткая надпись на обороте: «До боя тридцать три дня».

Лера отправила снимок Максиму.

Ответ пришёл через минуту: «Теперь адрес гостиницы всё ещё кажется плохой идеей?»

Она набрала: «Да».

Потом добавила: «Но я согласна встретиться и придумать план».

Максим прислал место. Не гостиницу. Круглосуточную прачечную на другом конце города.

Там не было камер клуба, а шум машин заглушал разговоры.

Глава 4. Чужой ритм

В прачечной было пусто. Барабаны вращались за круглыми стёклами, перемешивая белые простыни. Максим сидел на пластиковом стуле в капюшоне. На столе перед ним лежала папка.

— Громов купил долг Никиты у букмекеров, — сказал он. — Теперь сумма не имеет значения. Ему нужен доступ к моему восстановительному напитку перед боем.

— Никита должен что-то подмешать?

— Или заменить бутылку. Пока он не знает.

Лера открыла папку. Там были фотографии людей, банковские переводы, списки ставок на бои клуба. Рядом с фамилией Арсеньева стояли суммы и номера раундов.

— Откуда это?

— Собирал несколько лет.

— Почему не отнесли в полицию?

— Половина людей в списке заранее узнаёт о проверках.

— Журналистам?

— Один уже пытался. Его нашли в канале.

Стиральная машина перешла на отжим. Стул под Лерой мелко задрожал.

— Чего хочет Громов в этот раз?

Максим посмотрел на вращающийся барабан.

— Чтобы я проиграл в четвёртом раунде.

— А препарат?

— Страховка. Если я передумаю, сердце сделает выбор за меня.

Лера вспомнила розовую жидкость в ампуле. Стимулятор не гарантировал поражение, но в сочетании с обезвоживанием и нагрузкой мог вызвать тяжёлую аритмию.

— Почему вы вообще выходите?

— Потому что если отменю бой, Громов использует Никиту или кого-нибудь другого. Если выйду, у нас будет шанс поймать его на передаче бутылки.

— «У нас»?

— Вы предложили план.

Она закрыла папку.

— Никита не приманка.

— Я не говорил, что приманка.

— Вы подумали.

Максим наклонился вперёд.

— Я думаю, как оставить его живым. Вы думаете, как сохранить ему чистую совесть. Это разные задачи.

— Нет. Просто вы давно решили, что спасение обязано быть грязным.

Его взгляд стал тяжёлым.

— А вы решили, что достаточно назвать вещи правильно, и они перестанут ранить.

Лера встала. Максим поймал её за запястье, но сразу отпустил, будто обжёгся.

— Извините.

Она посмотрела на красный след от его пальцев. Он был едва заметным, но Максим побледнел сильнее, чем после тренировки.

— Вы можете меня остановить словами, — сказала она.

— Иногда не успеваю вспомнить.

— Тогда научитесь.

— Хотите стать ещё и моим психологом?

— Нет. Хочу не бояться человека, с которым собираюсь работать.

Максим поднялся. Между ними осталось полшага.

— Вы боитесь?

— Сейчас нет.

— А надо.

— Это вы так предупреждаете или надеетесь?

Он отвернулся первым.

Они составили план. Никита должен сделать вид, что согласен. Лера заменит все напитки герметичными пакетами с контрольными метками. Максим будет носить медицинский датчик, данные уйдут в независимое облако. Подруга Леры, спортивная журналистка Яна Белова, получит копию папки и опубликует её, если связь пропадёт.

— Яну нельзя втягивать без согласия, — сказала Лера.

— Снова согласие.

— Привыкайте.

Максим кивнул, и она поняла, что он не насмехается.

Когда план был готов, они ещё долго сидели среди вращающихся машин. Ночь снаружи делала стекло чёрным зеркалом. Лера видела рядом их отражения: её светлая куртка, его тёмный капюшон, два человека, которым не следовало доверять друг другу.

— Почему вы вернулись в зал после запрета? — спросила она.

— Когда не тренируюсь, вспоминаю.

— Антона?

— Всё.

— И удары помогают?

— Делают мысли тише.

Лера знала эту механику. У неё вместо ударов была работа: смены, учёба, чужие травмы. Пока руки заняты, прошлое не догоняет.

— Можно найти другой ритм.

— Например?

Она включила на телефоне метроном и положила его на стол.

— Четыре счёта вдох, шесть выдох.

Максим закатил глаза, но попробовал. На третьей минуте плечи опустились. На пятой он закрыл глаза. Лера смотрела, как человек, способный вырубить соперника одним движением, учится медленно выпускать воздух.

— Ненавижу, — сказал он.

— Потому что работает?

— Потому что вы это запомните.

— Что именно?

— Как я выгляжу, когда не контролирую всё.

Лера выключила метроном.

— Я никому не расскажу.

— Договор запрещает?

— Нет. Я обещаю.

Максим открыл глаза. Впервые в них не было ни угрозы, ни защиты.

— Не обещайте того, что Громов сможет у вас отнять.

— Некоторые вещи нельзя отнять.

— Вы удивитесь.

У входа они разошлись в разные стороны. Через квартал Лера заметила чёрную машину. Она повторила два поворота и остановилась напротив. Машина тоже остановилась.

Дверь открылась. Максим вышел под дождь.

— Я сказал, что не буду следить у вашего дома, — напомнил он. — Про дорогу мы не договаривались.

Лера хотела возмутиться, но вместо этого засмеялась. Тихо, устало, впервые за несколько дней.

Максим смотрел на неё так, будто смех был более опасным оружием, чем любой удар.

Глава 5. Цена молчания

Яна выслушала их в закрытой кабинке корейского кафе. Она была маленькой, быстрой и задавала вопросы раньше, чем собеседник успевал придумать ложь.

— Подпольные ставки, медицинские махинации, угрозы родственникам. Прекрасно, — сказала она. — Теперь объясните, почему я не должна опубликовать это сегодня.

— Потому что доказательств недостаточно, — ответила Лера.

— А папка?

Максим покачал головой.

— Копии. Громов скажет, что подделка.

— Значит, нужна запись передачи препарата и результаты независимой экспертизы.

Яна посмотрела на Максима.

— Вы готовы подтвердить всё своим именем?

— После боя.

— Удобно.

— Опасно.

— Для вас?

— Для всех.

Яна не испугалась. Она попросила сорок восемь часов на проверку фамилий и взяла зашифрованную флешку. Перед уходом задержала Леру.

— Ты понимаешь, что он не герой?

— Понимаю.

— Такие мужчины умеют выглядеть сломанными так, что хочется стать для них домом. А потом оказывается, что внутри дома нет дверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.